

ПРЕДИСЛОВИЕ

В широком смысле слова богословие можно определить как мышления о действии, содержании и смысле христианского вероучения. Богословие рассматривает его в контексте особых исторических и культурных условий, и, следовательно, может по праву считаться контекстуальной дисциплиной. Благодаря своей контекстуальной природе, богословие постоянно находится в развитии. Лежащая в основе христианства вера в Господа Иисуса и Троидного Бога, явившего себя во Христе, разумеется, остается неизменной. Однако мир, в котором мы исповедуем свою веру, непрестанно меняется. Богословие служило церкви во все времена, независимо от культурных условий, помогая Божьему народу осмысливать и делами доказывать веру, единую для всех поколений христиан, неся ее в мир, где они живут и трудятся во имя Христово.

Таким образом, богословие движется между тремя полюсами — библейским евангелием, наследием церкви и мыслительными моделями современного мира. С их помощью оно исповедует вечно неизменного Христа в переменчивом мире, говоря на языке, понятном каждому новому поколению.

Богословы XX века, подобно своим предшественникам, приняли вызов, брошенный им наукой. В своей книге мы попытались представить, как нам кажется, главные богословские течения того столетия. С этой целью мы исследовали труды выдающихся богословов и основные богословские течения последних десятилетий. Но богословские школы не возникают случайно или обособленно от внешнего мира. Поэтому в своей книге мы сделали попытку перейти от объективного анализа к толкованию. Нам захотелось не просто представить читателям выдающихся мыслителей и предложить краткий обзор их теорий. Мы постараемся рассказать вам историю богословия в эпоху перемен.

Мы рассматриваем XX столетие как переходный этап от так называемого модернизма, начало которому было положено в эпоху Просвещения, к постмодернизму. Ученые расходятся в определении «постмодернизма» как этапа общественного развития, однако никто уже не считает настоящее и будущее результатом действия неких сил, приведенных в движение Просвещением. Двадцатый век стал свидетелем не расцвета модернизма, а его разрушения и полного упадка. Модернизм стал своим собственным злейшим врагом, произведя на свет экзистенциализм, новую физику, феминизм и деконструктивизм. В XX веке человечество испытало неведомую ему дотоле тревогу, мучительно пытаясь осмыслить свое место во вселенной. Эта тревога

нашла отражение в новых поисках трансцендентности, источника надежды и смысла жизни за пределами замкнутого мира, ограниченно-го научно-философскими рамками Просвещения. Мы рассматриваем XX век как историю нелегкого продвижения общества и богословия в частности от модернизма к постмодернизму.

Нам кажется, что одной из важных тем, способных пролить свет на единство и многообразие богословских учений в век перемен, можно считать творческий конфликт, возникающий между двумя взаимосвязанными истинами – божественной трансцендентностью и божественной имманентностью. Конечно же, это не единственный ключ к пониманию богословских учений XX века. Тем не менее, мы убеждены, что взаимодействие трансцендентности и имманентности как одна из главных богословских проблем во многом определило направление развития богословской науки последнего столетия.

Толчок к написанию этой книги дал Дэн Рид, редактор отдела справочной литературы издательства «ИнтерВарсити Пресс». Именно ему принадлежала идея создания сборника эссе, посвященных выдающимся богословам XX столетия. Первоначальный замысел перерос в подробный анализ темы, ставший результатом сотрудничества двух авторов. Поскольку наши служения проходят в совершенно разных условиях, в ходе написания книги мы старались сделать ее полезной как для аспирантов семинарии, так и для студентов, изучающих гуманитарные науки.

Кроме Дэна Рида и его коллег по издательству «ИнтерВарсити Пресс» нам хотелось бы поблагодарить и других людей. Неоценимую поддержку нам оказали учебные заведения, в которых мы работаем. Во время работы над книгой Стэн перешел из Североамериканской баптистской семинарии в Сиу Фолз, штат Южная Дакота, в Богословский колледж Кэри и Риджент колледж в Ванкувере, провинция Британская Колумбия. Участие Роджера отчасти стало возможным благодаря шестимесячному творческому отпуску, предоставленному колледжем Вефиль в Сент-Поле, штат Миннесота. Секретарская работа осуществлялась Джой Хайсман из Североамериканской баптистской семинарии, Илэйн Дикинсон и Беверли Норгрен из Богословского колледжа Кэри, и Джанин Макфарланд из колледжа Вефиль. Большую помощь в проверке ссылок оказали помощники преподавателя Марша Морет Сиетстра из САБС, Джеральд Дегвайр из БКК и Том Дуглас из Вефиля. Но самую большую признательность мы хотели бы выразить своим семьям, проявлявшим завидное терпение на протяжении двух лет, предшествовавших появлению на свет этого плода наших совместных усилий.

ВВЕДЕНИЕ

ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТЬ И ИММАНЕНТНОСТЬ В ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО БОГОСЛОВИЯ

В своих лучших проявлениях христианское богословие всегда стремилось найти равновесие между двумя родственными библейскими истинами – божественной трансцендентностью и божественной имманентностью. С одной стороны, Бог трансцендентен по отношению к миру. Он самодостаточен и существует независимо от мира. Бог царит над вселенной и приходит в наш мир извне. В еврейских Писаниях неоднократно говорится о том, что Бог пребывает на небесах. «Бог на небе, а ты на земле», – пишет Проповедник (Еккл. 5,1). А пророк видит Господа, «сидящего на престоле высоком и превознесенном» (Ис. 6, 1).

С другой стороны, Бог имманентен миру. Это означает, что он всегда присутствует в своем творении. Господь принимает самое деятельное участие во всем, что происходит во вселенной и в человеческой истории. Павел подчеркивал эту истину в своем знаменитом обращении к афинянам в ареопаге. По его словам, Бог «недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся и существуем» (Деян. 17, 27-28). В Ветхом Завете, в частности в книгах мудрости, часто говорится о Духе Божьем, который поддерживает жизнь своего творения (см. Иов 27, 3; 33, 4; 34, 14-15; Пс.103, 29-30). Сам Иисус считал естественные явления – солнце и дождь, насыщение птиц и красоту цветов – делом рук Отца (Мф. 5, 45; 6, 25-30; 10, 29-30).

Поскольку Библия являет нам Бога за пределами миру и одновременно активно участвующим в его жизни, богословы во все времена сталкиваются с необходимостью найти такую формулировку христианского представления о природе Бога, которая бы уравнивала, утверждала и удерживала в творческом напряжении божественную трансцендентность и имманентность. Равное внимание к каждой

из этих истин помогает поддерживать надлежащие отношения между богословием и разумом или культурой. Отсутствие такого равновесия неизбежно приводит к серьезным богословским проблемам. Так, излишний акцент на трансцендентности может нарушить связь между богословием и культурным контекстом, в рамках которого оно развивается, тогда как предпочтение, отданное имманентности, может сделать богословие заложником той или иной общественной системы.

Богословие XX века, являясь продолжением богословия XIX века, представляет собой интересный пример попытки уравновесить эти два аспекта взаимоотношений Бога с его творением. Пристальное внимание к соотношению между трансцендентностью и имманентностью облегчает понимание единства и многообразия главного богословского течения, красной нитью прошедшего через все столетие. Выражаясь точнее, важнейшие богословские идеи этой эпохи свидетельствуют о нестабильности, вызванной нарушением равновесия между трансцендентностью и имманентностью. Порой создается впечатление, что на протяжении всей истории богословия божественная трансцендентность и имманентность сами стремятся к равенству. Богословие двадцатого века являет немало примеров, когда смещение акцента в ту или иную сторону в конце концов порождает противоположную тенденцию, которая, в попытке восстановить нарушенное равновесие, переходит в другую крайность. Таким образом, желание восстановить утраченный баланс вполне может стать отправной точкой истории богословия XX столетия.

Начало этой истории не было положено в первый день нового века. Ее истоки следует искать в годах, непосредственно предшествующих и следующих за переходом календаря от 31 декабря 1900 года к 1 января 1901. Новое столетие, разумеется, вступило в свои права с полночным ударом часов, а значит, формально богословие двадцатого века стало продолжением прежнего, оптимистичного по сути своей образа мышления, сосредоточенного на земной жизни и делавшего основной упор на божественной имманентности — активном участии Бога в жизни человечества.

Однако с точки зрения исторического развития событий, XX век начался лишь со вторым десятилетием 1900-х годов. Залпы «августовских пушек» 1914 года возвестили не только о начале Первой мировой войны. Они прозвучали как похоронный звон для ушедшего в прошлое мира XIX века. Эта страшная катастрофа принесла с собой новые интеллектуальные идеалы, характерные для всех последующих лет, ибо Первая мировая война разрушила оптимистическое

мироощущение предшествующих столетий, на смену которому пришло интеллектуальное и культурное уныние, закрепившееся в умах человечества с 1914 года.

Актуальность возникших богословских вопросов также обусловлена последствиями этого события, навсегда изменившего мир. Развитие богословия двадцатого века началось с попытки возрождения на руинах войны, опустошившей не только Европу, но и традиционное европейское богословие. Неудивительно, что богословие нового века прежде всего выступило против основных богословских идей прошлого столетия, в том числе акцента на имманентности, преобладавшего в западном мышлении со времен Возрождения. Итак, в центре внимания богословия двадцатого века оказывается трансцендентность. Карл Барт и другие богословы задаются вопросом: можно ли услышать Бога, обитающего на небесах, в разоренном войной мире?

Первую мировую войну нельзя считать временным отклонением, незначительной задержкой в победном марше истории, как могли бы предположить богословы предшествующих столетий. Скорее, она стала предвестником грядущих событий. Десятилетия, следовавшие за первыми залпами орудий, прозвучавшими в Центральной Европе, стали свидетелями бесконечного числа постоянно усугубляющихся конфликтов. Жертвами военного противостояния стали не только человеческие жизни, оно нанесло огромный урон культурной жизни. Отчаяние, нависшее над интеллектуальным горизонтом, проникло глубоко в западную культуру, наложив свой отпечаток на богословие. Войны сыграли столь значительную роль в жизни XX столетия, что в целом богословие начала века сводилось к поиску ответа на один вопрос: способно ли человечество справиться с нескончаемой чередой обрушившихся на него конфликтов — военных, политических и общественных. В таких условиях погибает последняя надежда не только найти Бога в этом мире, но и расслышать его звучащий с небес голос.

В обстановке повсеместно царящего уныния постмодернизма богословы последних десятилетий продолжают трудиться над решением все той же проблемы, то вновь переживая присущее модернизму ощущение имманентности, то устремляясь на поиски трансцендентного Бога. Несмотря на их героические усилия, богословие, начавшее свой вековой путь с «науки счастья» Карла Барта, к концу столетия почти произвольно оказалось в темном тупике деконструктивизма.

Вправе ли мы утверждать, что события XX столетия ознаменовали конец богословия? Ответ на этот вопрос следует искать в XXI веке. Но одно можно с уверенностью сказать уже сейчас. Накренившееся богословское строение, устроенное на заведомо неустойчивом

основании, — будь то односторонний акцент на трансцендентности или имманентности — нельзя исправить «косметическим ремонтом», добавив недостающий элемент. Напротив, усердный строитель должен начать все с самого начала. Ведь если основание заложено неправильно, едва ли можно рассчитывать на прочность всего строения.

История богословия XX века началась в 1914 году. Но своими корнями оно уходит еще глубже, в совсем другую эпоху. Именно как ответная реакция на нее и родились богословские идеи двадцатого столетия. Яснее всего они предстают в сравнении со взглядами предшествовавшего века, которые не могли не вызвать бурной реакции в умах людей, против воли вовлеченных в многолетнюю жестокую борьбу. Истоки богословия девятнадцатого века, в свою очередь, следует искать в переменах, которые принесла с собой великая революция, произошедшая в западном мышлении, известная нам как Просвещение. Итак, наша история начинается с Века разума.